

УДК 343.13

**ВНОВЬ О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЯХ
(В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА
ОДНОЙ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ).
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе ранее высказанных в научных публикациях автора позиций о сущности и структуре специальных знаний анализируются концептуальные подходы Е. П. Гришиной к базовым аспектам уголовно-процессуального учения о специальных познаниях. Критически оценивается понимание Е. П. Гришиной сущности категорий «использование» и «применение» в контексте специальных познаний, что приводит к дефектам разработанных ею классификаций. Аргументируется взгляд на явление «диффузии специальных познаний» в современных условиях развития информационного общества, расширения сферы применения специальных познаний и круга субъектов, обладающих ими, что отражается и на роли юридических знаний в структуре феномена «специальные познания». Приводятся доводы относительно бессмысленности формулирования общей дефиниции «специальные познания» и введения данного определения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обосновывается преимущество двухуровневого дефинирования, позволяющего в итоге определить сущность специальных познаний, применяемых судебным экспертом.

Ключевые слова: специальные познания, применение специальных познаний, использование специальных познаний, специалист, эксперт, переводчик, юридические специальные познания

Для цитирования: Зайцева Е. А. Вновь о специальных познаниях (в контексте анализа одной докторской диссертации). Часть первая // Судебная экспертиза. 2025. № 3 (83). С. 126–134.

**AGAIN ON SPECIAL KNOWLEDGE
(IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF ONE DOCTORAL THESIS).
PART ONE**

Elena Alexandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. The article analyzes conceptual approaches of E. P. Grishina to basic aspects of criminal procedure teaching on special knowledge based on the author's positions previously expressed in scientific publications about the essence and structure of specialized knowledge. Critical assessment of E. P. Grishina's understanding

of the essence of "use" and "application" categories in the context of special knowledge, which leads to defects in the classifications developed by her. The view on the phenomenon of "diffusion of special knowledge" in modern conditions of development of information society, expansion of scope of application of special knowledge and circle of subjects possessing them is argued, which reflects also on role of legal knowledge in structure of phenomenon of "special knowledge". Arguments are raised regarding the senselessness of formulating a general definition "special knowledge" and introducing this definition into Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the advantage of two-level definition is justified, to finally determine the nature of special knowledge applied by a forensic expert.

Keywords: special knowledge, application of special knowledge, use of special knowledge, specialist, expert, translator, special legal knowledge

For citation: Zaitseva E. A. Again on special knowledge (in the context of analysis of one doctoral thesis). Part one. Forensic Examination, 126–134, 2025. (In Russ.).

Уголовно-процессуальному учению о специальных познаниях¹ с середины XX в. до наших дней уделялось значительное внимание в работах известных советских и российских ученых (Л. Е. Ароцкера, В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, В. М. Галкина, А. В. Дулова, Л. М. Исаевой, А. В. Кудрявцевой, И. Ф. Крылова, В. Н. Махова, И. В. Овсянникова, Ю. К. Орлова, А. Я. Палиашвили, И. Л. Петрухина, Е. Р. Россинской, Н. А. Селиванова, И. Н. Сорокотягина, С. А. Шейфера, В. И. Шиканова, А. Р. Шляхова, А. А. Эйсмана и др.), чем была создана надежная теоретическая основа для этого раздела уголовно-процессуальной науки. Исследования велись по большей части в контексте проблематики теории доказательств (теории доказывания), учения о следственных действиях, учения об участниках уголовного судопроизводства. Частично разработки касались и междисциплинарных связей, развивая соответствующие направления криминалистической техники и тактики. Образно выражаясь, учение о специальных познаниях всегда находилось на стыке таких «тектонических плит», как наука уголовного процесса и криминалистика, насыщенной исследовательской энергетикой, что создавало благодатную почву для формулирования многочисленных авторских концепций и теоретических моделей, обогащающих обе науки.

Естественно, что на фоне данной «извечной» притягательности проблематики специальных познаний рождались монографии, докторские и кандидатские диссертации, которые вызывали интерес с точки зрения углубления и расширения представлений об этом правовом феномене. Поэтому наше внимание сразу привлекло диссертационное исследование Е. П. Гришиной «Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства» [1], которое, судя по названию, презентовалось научному сообществу как очередной труд, способствующий совершенствованию учения о специальных познаниях.

¹ Автор настоящей статьи не считает нужным вновь возвращаться к дискуссии об использовании в науке терминов «знания» и «познания», так как ранее в своих работах четко выразил позицию по данному спорному вопросу.

Попробуем проанализировать ряд аспектов указанной работы с точки зрения вклада в развитие данного учения.

На с. 121 диссертации Е. П. Гришина так характеризует специальные знания: «Специальные знания олицетворяют собой комплекс научно разработанной, достоверной, разнообразной, непрерывно обогащающейся информации, представляющей собой содержание и результат теоретической и практической деятельности человека в различных областях, *за исключением юридических знаний лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, необходимых им для оценки доказательств и принятия решений* (здесь и далее по тексту статьи курсив наш. – Е. З.)» [1, с. 121]. По сути, данный автор воспроизводит высказанную в 2004 г. позицию И. И. Трапезниковой, которая исключала из структуры специальных познаний *«специальные знания в области права, связанные с уголовно-правовой оценкой обстоятельств уголовного дела и принятием решений процессуального характера»* [2, с. 7–8].

И здесь бы хотелось сделать особое пояснение, касающееся ошибочности приведенных подходов. Во-первых, **видится невозможным по объективным причинам сформулировать универсальное определение специальных познаний**, адекватно отображающее природу этого юридического феномена и подходящее для всех форм применения таковых знаний. Попытки привести все «к одному знаменателю» изначально обречены на провал. К примеру, в дефиницию специальных познаний эксперта важным представляется ввести требование к профессиональному образованию сведущего лица, вовлекаемого в уголовное судопроизводство в этом качестве. Подобное требование закреплено на законодательном уровне (ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹), оно особым образом высвечивает процессуально значимые качества указанного участника уголовного судопроизводства, выделяя его из группы иных лиц, обладающих специальными познаниями (специалиста, переводчика, сведущего свидетеля). Что же касается специальных познаний специалиста, то для этой процессуальной фигуры подобного «образовательного ценза» не предусмотрено, так как специалисту для оказания содействия следователю, дознавателю, защитнику и суду нередко достаточно обладать определенными профессиональными навыками или особым опытом, знаниями, приобретенными в различных жизненных ситуациях, в ходе занятия спортом, благодаря хобби (например, альпиниста – при участии в следственных действиях на труднодоступных участках местности; филателиста-коллекционера – при осмотре редких экземпляров марок).

Во-вторых, **исключение юридических знаний из структуры специальных познаний также представляется нам неверным** в силу хотя бы сложившейся и уже легализованной практики дачи правовых заключений экспертами (компетентными в различных отраслях права), участвующими в конституционном

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291; СЗ РФ. 2024. № 31. Ст. 4451.

судопроизводстве¹, о чем писала в свое время Е. Р. Россинская [3; 4], а также автор настоящих строк [5, с. 15]. И хотя данная практика была подкорректирована в последующем Федеральным конституционным законом № 5-ФКЗ², сам факт проведения правовых экспертиз в конституционном судопроизводстве свидетельствует о недопустимости исключения правовых знаний из системы специальных познаний. Вместе с тем, принимая во внимание отраслевую принадлежность анализируемого нами в настоящей статье учения о специальных познаниях, мы можем апеллировать и к практике участия специалистов-правоведов в уголовном судопроизводстве, дающих консультации по правовым вопросам в форме заключения специалиста (ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ)). Причем эти консультации предоставляются и по сложным вопросам толкования норм материального и процессуального права, с чем нам приходилось сталкиваться в практической деятельности.

Кстати, на этот аспект (консультации специалистов в вопросах права) обращает внимание и Е. П. Гришина, однако ее позиция отличается противоречивостью, когда она рассуждает о категории «правовой» в контексте проблематики специальных познаний: «...*неправовой* характер, означающий, что рассматриваемые познания не относятся к специальным познаниям следователя, дознавателя, прокурора, судьи, которые необходимы этим участникам уголовного судопроизводства для принятия процессуальных решений; в то же время специальные познания, используемые иными субъектами этого производства, могут иметь *правовую природу* (например, познания специалиста в области права, приглашенного для дачи консультаций)» [1, с. 124]. Автор не дает разъяснений относительно соотношения выделенных нами терминов, что приводит к умножению сущностей в ее высказывании.

Относительно специальных познаний властных субъектов следует отметить, что если обратиться к современным программам подготовки юристов по некоторым специальностям (например, «юриспруденция», «правовое обеспечение национальной безопасности» и др.), можно обнаружить, что имеющие такое образование правоприменители (следователи, дознаватели, прокуроры, судьи) обладают специальными познаниями в области криминалистики, судебной бухгалтерии – обучение по данным дисциплинам предусмотрено соответствующими учебными планами образовательных организаций. Естественно, что, приобретая

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституцион. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; СЗ РФ 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6118.

² Часть 1 статьи 63 ФКЗ № 1 «О конституционном Суде Российской Федерации» в редакции от 9 ноября 2020 г. теперь ограничивает разрешение экспертом-правоведом вопросов только теми, которые непосредственно не относятся к сфере российского права (см.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституцион. закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ // Рос. газ. 2020. 11 нояб.).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.07.2025).

эти специальные познания, практикующие юристы их применяют в своей служебной деятельности, оценивая в ходе доказывания по уголовным делам результаты судебных экспертиз, ревизий, аудиторских проверок – т. е. **результаты применения специальных познаний другими субъектами, способствующими правосудию.**

Это явление можно условно назвать **«диффузией» специальных познаний**, когда обладание ими утрачивает «сакральный характер», как это имело место в XIX в. (вспомним Л. Е. Владимирова и его знаменитое сравнение эксперта с поводырем, за которым, как слепой, следует судья [6, с. 197]). **Мы видим расширение границ специальных познаний и расширение круга субъектов, ими обладающих.** А в контексте тренда на цифровизацию и проникновение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности нашего общества (уголовное судопроизводство не является здесь исключением) можно констатировать, что со временем этот процесс будет только масштабироваться, выходя за рамки привычных представлений о структуре специальных познаний и их обладателях.

С учетом этих аргументов попытка создать общее определение специальных познаний с исключением правовых знаний из их структуры – дело непродуктивное и, увы, неблагодарное (тем более – попытка сформулировать дефинитивную норму такого плана для включения в ст. 5 УПК РФ, как это делает Е. П. Гришина [1, с. 131]). Более логичным видится в этой ситуации применение удачного методологического приема, предложенного А. И. Садовским, в части двухуровневого дефинирования категории «специальные познания». Указанный автор, принимая в расчет описанные выше трудности с определением специальных познаний в универсальном формате, презентовал две дефиниции – родовое определение специальных познаний (для раскрытия сущности данных знаний, в том числе применяемых властными субъектами, как в процессуальной, так и непроцессуальной формах) и видовое определение специальных познаний (для характеристики познаний судебного эксперта) [7, с. 12–13].

В подходе А. И. Садовского мы видим рациональное зерно: **специальные познания нельзя рассматривать в отрыве от их обладателя** (или, как иногда пишут, – «носителя»), так как процессуальный статус данного лица **предопределяет** целевое предназначение применяемых (или используемых¹) им специальных познаний, предпосланную этому процессуальную (или непроцессуальную) форму их применения (или использования) и, соответственно, юридическую значимость полученного результата.

Если рассматривать консультационную деятельность сведущего в вопросах права компетентного лица, то представленное им заключение специалиста по

¹ Автор настоящей статьи, употребляя термины «применяют» и «используют», исходит из постулата, что «по отношению к специальным знаниям эти два термина обозначают совершенно разные направления деятельности: применяют специальные знания сведущие лица в различных формах, в том числе и в непроцессуальных, а используют эти знания лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, употребляя результаты их использования для нужд доказывания и облекая их в установленную законом форму» [8, с. 203].

вопросам правового характера – это не более чем суждение, которое может сориентировать правоприменителя в сложной правовой ситуации. Что касается судебного эксперта в уголовном судопроизводстве, то перед ним традиционно нельзя ставить вопросы правового характера, связанные с применением норм материального и процессуального права, так как подобное толкование соответствующих норм – **экслюзивное полномочие правоприменителей, властных субъектов**. Возложение на эксперта обязанности отвечать на вопросы права в своем заключении привело бы в итоге к «смене ролей», к превращению его в «опосредованного» правоприменителя, что, естественно, недопустимо в условиях действующей парадигмы уголовного судопроизводства.

Опять же, если обратиться к ситуации с применением специальных криминалистических или судебно-бухгалтерских знаний самими властными субъектами, то они могут их применять исключительно в непроцессуальной форме (т. е. задействовать этот ценный инструмент для оценочных операций в ходе проверки и оценки доказательств). В тех же случаях, когда результаты применения специальных познаний нужны в уголовном деле в форме доказательства, на которое можно ссылаться в процессуальных решениях, властный субъект подключает к процедуре получения новой информации независимое и незаинтересованное лицо – эксперта или специалиста, что гарантирует объективность приобретаемых новых фактических данных. Не случайно в науке уголовно-процессуального права аргументировано положение о **трех критериях, обуславливающих необходимость и целесообразность вовлечения в уголовно-процессуальное доказывание сведущих лиц**. К таковым, по мнению Н. А. Раимжановой, относятся: 1) технологический – «для более качественного и эффективного осуществления действий по обнаружению, фиксации и изъятию доказательственной информации, которую можно выявить только благодаря новейшим достижениям науки и техники»; 2) процессуальный – *«гарантируется объективность данных действий и их результатов, когда следователю помогают обнаруживать, фиксировать и изымать доказательственную информацию незаинтересованные в исходе дела компетентные лица»*; 3) правообеспечительный – специалисты и другие сведущие лица «привлекаются для создания условий безопасности, соблюдения прав и законных интересов участников производства по уголовному делу» [9, с. 76].

Далее, продолжая анализировать концепты Е. П. Гришиной, отражающие характеристики специальных познаний, хотелось бы обратить внимание на следующий выделяемый ею признак: *«В-шестых, наличие индивидуальной специализированной методики применения (использования), обладающей интеграционным, комплексным характером, поскольку современная профессиональная деятельность специалистов аккумулирует в себе знания, опыт и методы всех предшествующих поколений представителей данной профессии»* [1, с. 125]. Если для экспертных специальных познаний данная характеристика актуальна, то в отношении специалиста и переводчика можно выразить обоснованное сомнение по части ее обязательной применимости к познаниям этих двух субъектов. Ранее мы указывали, что специалист может приобрести те или иные познания в ходе занятий хобби, спортом и др., что вряд ли может быть интерпретировано как наличие той самой методики, о которой пишет Е. П. Гришина.

Опять же, если спроецировать ее тезис на переводчика, то, как известно, есть переводчики, получившие знание языка в билингвальной семье, что тоже ставит под сомнение анализируемое высказывание данного автора.

Е. П. Гришина также предпринимает попытку классифицировать специальные познания и предлагает в том числе градацию «в зависимости от субъекта применения (обладателя)... на познания эксперта, специалиста, педагога, переводчика и иного сведущего лица. По последнему критерию можно выделить также познания *коллективного (экспертное учреждение) и индивидуального субъекта*» [1, с. 127–128]. Возникает вопрос: в какой форме познания коллективного субъекта вовлекаются в уголовно-процессуальное доказывание? Такое возможно? Даже если осуществляется коллегиальная судебная экспертиза в виде комплексной экспертизы, в которой участвует несколько экспертов, или комиссионной экспертизы, субъектами применения специальных знаний в ходе таких экспертиз выступают только индивидуальные участники уголовного процесса. Каждый из них проводит исследование, формулирует выводы, под которыми ставит собственную подпись. Экспертное учреждение в этом процессе не участвует. Руководитель экспертной организации выступает только в роли «процессуального посредника» между инициатором судебной экспертизы и непосредственными исполнителями. Специальных познаний экспертного учреждения как феномена, вовлекаемого в уголовно-процессуальное доказывание, не существует, потому что в уголовном судопроизводстве России не предусмотрена дача экспертного заключения от имени юридического лица.

Ну и хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в анализируемой работе нет разграничения категорий «использование» и «применение» в контексте специальных познаний, что приводит к неточности оперирования данными терминами при построении авторских классификаций. Так, Е. П. Гришина утверждает: «В зависимости от *форм использования* принято выделять специальные познания, используемые в процессуальной и непроцессуальной формах» [1, с. 128]. Автор при этом не принимает в расчет то обстоятельство, что **использование специальных познаний – это, по сути, вторая ступень, второй этап их бытия в уголовном судопроизводстве**. Сначала должно осуществиться их **применение** – т. е. непосредственное извлечение информации, проведение определенных манипуляций на их основе субъектом, обладающим данными познаниями. И только потом можно использовать результаты применения этих познаний в доказывании по уголовному делу. И при этом нужно принимать в расчет, что специальные познания могут применяться в процессуальной и непроцессуальной формах, о чем мы писали ранее и упоминали в начале данной статьи. И результаты непроцессуальных форм применения специальных познаний (например, ревизий, аудиторских проверок, предварительных исследований) могут вовлекаться в доказывание как документы-доказательства (ст. 84 УПК РФ). *Использовать* результаты применения специальных познаний можно также в *процессуальной форме* (например, когда дознаватель ссылается в обвинительном акте на заключение эксперта) и в *непроцессуальной форме* (когда следователь, получив консультацию специалиста, опирается на нее при оценке заключения эксперта и приходит к выводу о необ-

ходимости назначения повторной экспертизы, не аргументируя свое решение ссылкой на эту консультацию).

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что видение правового феномена специальных познаний, отраженное в докторской диссертации Е. П. Гришиной, вряд ли можно отнести к разряду углубляющих теоретические основы соответствующего уголовно-процессуального учения.

Продолжение следует.

Список источников

1. Гришина Е. П. Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публичного и частного начал российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 481 с.
2. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 232 с.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва: Проспект, 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.07.2025).
4. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 09.07.2025).
5. Зайцева Е. А. В развитие идей Елены Рафаиловны Россинской о специальных юридических знаниях // Судебная экспертиза. № 3 (79). 2024. С. 8–19.
6. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общ. и особ. 3-е изд., изм. и законч. Санкт-Петербург, 1910. 400 с.
7. Садовский А. И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. 239 с.
8. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с.
9. Раимжанова Н. А. Нормативная регламентация использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 263 с.

References

1. Grishina E. P. Concept of the use of special knowledge in the context of public and private start of Russian criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ekaterinburg; 2024: 481. (In Russ.).
2. Trapeznikova I. I. Special knowledge in criminal proceedings of Russia (concept, features, structure). Dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2004: 232. (In Russ.).

3. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Judge's desk book: forensic analysis. Moscow: Prospekt; 2011. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Accessed: 9 July 2025. (In Russ.).

4. Rossinskaya E. R. Judicial expertise in civil, arbitral, administrative and criminal proceedings. Monograph. 4th ed., rev. and add. Moscow: Norma: Infra-M; 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Accessed: 9 July 2025. (In Russ.).

5. Zaitseva E. A. In the development of Elena Rafailovna Rossinskaya's ideas about special legal knowledge. Forensic Examination, 8–19, 2024. (In Russ.).

6. Vladimirov L. E. Teaching about criminal evidence. Parts: general and basic. 3rd ed., rev. и end. Saint Petersburg; 1910: 400. (In Russ.).

7. Sadovsky A. I. Problems of establishing evidence by the investigator using special knowledge and technical means. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2013: 239. (In Russ.).

8. Zaitseva E. A. Concept for the development of forensics in adversarial criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 717. (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Elena Alexandrovna,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex for preliminary investigation
in the Interior bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
honored worker of the higher school of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.

The article was submitted 04.08.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.

* * *